

© 2012 г.

Евгений Балацкий

доктор экономических наук, профессор

заведующий кафедрой Государственного университета управления

(email: evbalatsky@inbox.ru)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КОГНИТИВНОГО РАЗРЫВА

В статье рассматривается феномен когнитивного разрыва между описанием системы и ее управлением. Раскрыта природа данного явления, показана роль несводимости количественных параметров экономической теории к управленческим решениям, носящим качественный характер; показано влияние ложных императивов в построении современной науки. Обсуждаются особенности процесса познания сверхсложных и сверхбыстрых систем. Обосновывается потребность в новом типе познания на основе упрощенного экспериментально-когнитивного механизма.

Ключевые слова: управление, экономическая теория, система, когнитивный механизм, воля, искусство, познание.

В настоящее время наблюдается два взаимосвязанных кризиса в когнитивной сфере – кризис социальных наук, и прежде всего в экономике (далее – экономикс или *Economics*), и кризис в сфере управления. В научном сообществе делаются попытки нащупать пути преодоления возникших кризисных явлений, однако рассмотрение двух указанных кризисов в тесной связке и взаимообусловленности, как правило, отсутствует. В связи с этим попытаемся восполнить существующий методологический пробел со всеми вытекающими отсюда выводами.

Феномен когнитивного разрыва между наукой и управлением; природа явления. На протяжении многих десятилетий в ментальной сфере человечества конкурировали два тренда во взаимодействии науки (прежде всего социальных наук и *Economics* в частности) и управления – увеличение и сокращение когнитивного расстояния между ними. Поясним сказанное. Рассмотрение проблемы будем конкретизировать для экономической науки, поскольку она является наиболее развитой в теоретическом и инструментальном отношении по сравнению с другими социальными науками. Вместе с тем все сказанное для экономики справедли-

Статья подготовлена в рамках НИР 5031-12 Государственного университета управления «Развитие теории управления социально-экономическими системами», выполняемой в рамках государственного задания (Министерство образования и науки РФ).

во и для других социальных дисциплин – социологии, политологии, истории, психологии и т.д.

Economics, как любая наука, направлена на осмысление и *описание* изучаемой *системы* и протекающих в ней процессов. В каком-то смысле описание системы, если оно является адекватным, само по себе выступает в качестве главного результата научной деятельности, ибо из научных описаний складываются *теории*, совокупность которых в свою очередь и образует науку. В последние десятилетия экономическое описание стало преимущественно математическим. Этот факт связан с желанием конкретизировать устанавливаемые системные связи с тем, чтобы в дальнейшем их можно было оцифровать. Именно переводение *качественных* характеристик системы в *количественные*, которые могут быть измерены и сопоставлены друг с другом, и составляют силу математического инструментария. В дальнейшем манипулирование количественными показателями системы должно стать основой процесса принятия решений. При реализации принятых решений должен производиться замер соответствующих характеристик системы на выходе с последующим осмыслением и повторением всего когнитивного цикла (рис.1).

Однако описанный цикл познания и управления таит в себе массу подводных камней. Дело в том, что *построение теорий как некий творческий акт в ряде случаев может выйти из-под контроля и превратиться в самодостаточную деятельность – исследователь делает акцент на описании системы, не предполагая ее последующего использования в управлении. Именно это и произошло в Economics за последние несколько десятилетий*. В этом случае когнитивный цикл на рис.1 разрывается, а процессы описания системы и управления ею становятся автономными, не связанными друг с другом. В дальнейшем такой эффект будем называть **когнитивным разрывом между описанием и управлением** (КРОУ).

Феномен КРОУ приводит к тому, что *Economics* и управление развиваются автономно, не подпитывая друг друга. Учитывая, что управление как вид деятельности направлено на выработку и реализацию конкретных решений, возникает два «научных пузыря». Первый связан с развитием *Economics* и возникновением крайности первого рода – *описанию (теории) без решений*. Второй пузырь возникает в науке управления и порождается крайностью второго рода – наличием *рекомендаций без описаний (теорий)*. Соответственно и результат КРОУ двоякий – наличие теории без практики в *Economics* и наличие практики без теории в управлении. На поверхности мы имеем, с одной стороны, массив моделей, уравнений, теорем, алгоритмов, диаграмм, таблиц и цифр в *Economics*, с другой – набор отвлеченных кейсов и абстрактных рекомендаций в управлении; сис-

тематического объединения этих двух пластов исследований не просматривается. Такое положение дел можно трактовать как типичный научный, а точнее, научно-управленческий кризис.

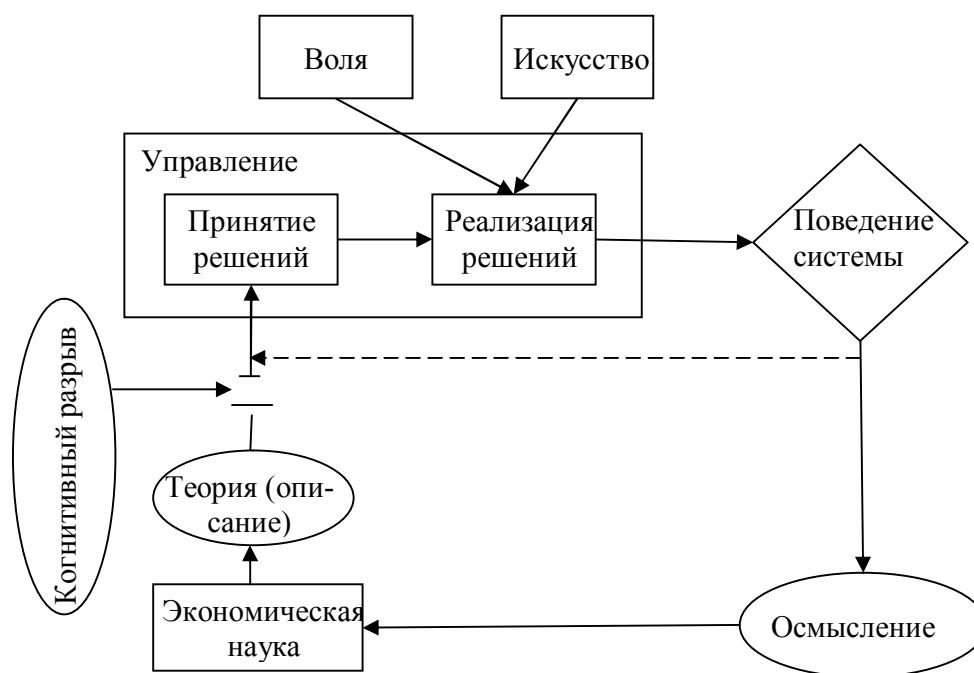

Рис. 1. Взаимосвязь науки и управления

Примечательно, что в научной среде экономистов сформировался довольно весомый аргумент в оправдание собственной пассивности. Его суть базируется на аналогии между экономистом-теоретиком и управленцем с одной стороны и баллистиком и офицером – с другой. Так же как специалист по баллистике рассчитывает траекторию полета снаряда, а боевой офицер принимает решение стрелять или не стрелять из орудия, так и экономист оценивает поведение социальной системы, а политик и управленец принимают решение о том, что делать для изменения ее поведения. И так же как бессмысленно возлагать на баллистика ответственность за разрушения в ходе военных действий, так и на экономиста нелепо возлагать ответственность за ошибки в сфере управления.

На первый взгляд, такая аналогия является вполне правомерной и разумной, однако при более тщательном рассмотрении ситуации можно увидеть ее заведомую ложность. Дело в том, что специалист по баллисти-

ке отталкивается от действия конкретного технического механизма и говорит, что будет, если из него выстрелить. Экономист, как правило, не говорит, каким инструментом воспользоваться и что будет, если его использовать с той или иной интенсивностью. При этом в ряде случаев некоторые инструменты регулирования экономики вообще не могут быть задействованы. В каком-то смысле экономист помогает понять, какой результат должен быть получен, но не помогает понять, как и с помощью чего его можно достичь.

Какова же природа КРОУ? Почему возникает когнитивный разрыв?

Ответ на эти вопросы предполагает уяснение нескольких моментов.

Истоки проблемы лежат в теории автоматического управления (регулирования). В этой теории все параметры и переменные системы выражены в количественной форме и управлению подлежат именно эти количественные характеристики. Идя по этому пути, экономисты старались формализовать все свои описания, предполагая, что это поможет в управлении. Однако проблема состоит в другом. Дело в том, что *Economics математически описывает связи между количественными агрегатами, тогда как управленческие решения представляют собой качественное явление*. Даже изменение налоговых ставок предполагает не простое манипулирование процентами, а принятие нормативно-правовых актов, огромного числа инструкций и разъяснений – и все это растянуто во времени.

Приведем типичный пример нестыковки экономических параметров и управленческих решений. Предположим, что расчетная оценка рентабельности проекта составляет 15%. Что это означает? Следует ли вкладывать деньги в этот проект? Для одного инвестора эта цифра будет генерировать решение об инвестировании, а для другого – отказ от него. Именно отсутствие простой схемы совмещения между количественными экономическими параметрами и качественными действиями управленца приводит к невостребованности первых со стороны второго. Непонимание этого факта (или нежелание его понять?) приводит к тому, что экономисты продолжают поставлять на рынок научной продукции статьи с заведомо бесперспективными моделями и теориями.

Подавляющее большинство академических статей по экономике не только не отвечает на вопрос «что делать?», но и откровенно избегает его. К сказанному добавим тот факт, что многие теоретические модели являются умозрительными и не могут быть проверены с высокой степенью достоверности, а выявленные эконометрические зависимости являются не универсальными, а временными отношениями. Все это приводит к тому, что *Economics* поставляет огромный массив информации, с которой никто не знает, что делать. Это все *пассивные знания*, не ведущие к *инициированию* тех или иных действий.

Столкнувшись с такой ситуацией, наука *менеджмента* стала развиваться самостоятельно, выстраивая собственную методологию. Однако дальше примитивной эмпирики, которая предполагает столь же пассивное накопление примеров удачных и неудачных управленческих стратегий, менеджмент не продвинулся. Проблема состоит в том, что все примеры из информационной базы управленческой науки являются уникальными и не подлежат прямому тиражированию. Совокупность же всех кейсов пока не удастся обобщить в виде внятной теории, которая позволяла бы ориентироваться в любой ситуации.

Таким образом, наличие нестыковки количественных методов *Economics* и качественного характера принимаемых решений ведет к возникновению КРОУ. Именно поэтому *совершенствование аналитического аппарата экономической теории не повышает продуктивности управления*.

Наличие феномена КРОУ ведет к тому, что при кажущемся развитии *Economics* эффективность управления не растет, а в ряде случаев падает. Для общества это эквивалентно холостым затратам на науку, оправдание которым со временем становится находить все труднее.

Дискурсивная основа процесса управления. Сегодня поддержание КРОУ обеспечивается высоким авторитетом математики как средства описания действительности. Считается общепризнанным, что наука начинается там, где начинается математика. Соответственно *продвижение по пути математизации наших знаний о социальной системе вполне естественно ассоциируется с научным прогрессом*. Однако это одна из самых больших иллюзий современности. Поясним этот тезис.

Прежде всего, уже можно считать доказанным, что язык современной науки и прежде всего естествознания, отнюдь не сводится к языку математики. В этой связи можно считать классическим интервью, взятое В. Ефимовым у сотрудника *Chemical Abstracts Service*, организации, являющейся подразделением Американского химического общества. На вопрос: «Какой процент статей в академических журналах по химии, физической химии и биохимии посвящен изложению математических моделей?» был получен обескураживающий ответ: от 5 до 10%¹. Таким образом, математизация описания не является свидетельством научного прогресса.

В качестве альтернативы математическому мейнстриму в *Economics* уже вполне явственно звучат тезисы **дискурсивной экономики**. Один из них принадлежит О. Розенштоку-Хюсси и гласит примерно следующее: сам язык, несущий в себе постоянную *повторяемость слов*, отражает по-

¹ См.: Ефимов В.М. Какая экономическая наука нужна России?// «Капитал страны», 09.10.2012 (<http://www.kapital-rus.ru/articles/article/216084/>).

вторяемость явлений внешнего мира¹. Одновременно с этим, согласно определению С. Вивекананды, «закон есть тенденция явлений к повторяемости»². Следовательно, в языке уже автоматически в неявной форме заложены все возможные законы природы и общества.

Второй тезис принадлежит В. Ефимову и звучит приблизительно так: коль скоро в *дискурсах* (речевых актах) заложены некие социальные *регулярности* (повторяемости), то надо изучать прежде всего сами дискурсы³. Таким образом, дискурсивная составляющая социальной жизни имеет не меньшее значение, чем количественные взаимосвязи.

К этим двум тезисам можно добавить третий такого содержания: язык математики является *вторичным* по отношению к обычному (бытовому, естественному) языку, следовательно, предпочтение при принятии качественных решений следует отдавать бытовому языку. Действительно, язык математики изначально опирается на обычный язык и в этом смысле является производным от него. Таким образом, *строго говоря, математизация социальных исследований сама по себе ничего не говорит об их плодотворности, кроме того, что сами исследования переведены в сугубо количественную плоскость. Более того, даже когда получены ценные количественные результаты, они все равно должны быть снова преобразованы в словесные обороты бытового языка, чтобы быть пригодными для процесса управления.*

Бытовой, или естественный язык для процесса управления имеет поистине сакральное значение. Опираясь на мнение О. Розенштока-Хюсси, можно сформулировать следующую формулу⁴: как волна представляет собой способ переноса энергии, так и речь представляет собой способ передачи действия. Потребность в инициировании и координации действий индивидуумов, собственно говоря, и порождает возникновение языка и речи. И именно наличие развитой речи позволяет социуму превратиться в политическую систему, ибо, по меткому определению С. Кургиняна, «политика – это управление социальными энергиями»⁵. Само же управление всегда осуществляется посредством дискурсивных инструментов: публичных выступлений, лекций, диспутов, лозунгов, призывов, агитаций и т.п.

Обсуждая соотношение количественного (числового) и качественного (дискурсивного) инструментария, О. Розеншток-Хюсси констатирует:

¹ См.: Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008.

² См.: Вивекананда С. Четыре йоги. М.: Прогресс; Прогресс-Академия. 1993. С.91.

³ См.: Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки// «Экономическая социология», Т.12, №3, 2011.

⁴ См.: Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008. С.159-160.

⁵ См.: Сергей Кургинян: «Это все геббельсовская пропаганда»// «NK-TV», 20.02.2012 (Эл. доступ: <http://nk-tv.com/interview/5841--q-q-q-q-.html>).

«Слово, сказанное в полную силу, изменяет»¹; «Число никогда не поднимется до уровня слова. Слово никогда не возвышается до имени»². Рассматривая диалектику двух когнитивных инструментов, О. Розеншток-Хюсси задает вполне адекватную схему их соподчинения: «...мера и число – это средство, с помощью которого мы должны совместно высказываться о вещах. Тогда они будут нам отвечать. Исходя из своих чисел, вещи повинуются нам»³.

Из сказанного становится еще более понятным источник КРОУ – это часто наблюдаемая неспособность перевести экономико-математические количественные экономические теории на бытовой язык, используемый в практике управления. Трудности такого «перевода» автоматически ведут к разрыву когнитивного цикла на рис.1.

Воля и искусство как неучтенные факторы экономики. Феномен КРОУ усугубляется, как правило, еще двумя фундаментальными факторами, от которых современный *Economics* полностью абстрагируется – волей и искусством (креативностью). Если на стадии принятия решений необходимо уметь осуществлять трансмиссию количественных описаний в качественные методы управления, то *на стадии реализации решений ключевое значение имеют искусство адаптации управленческих воздействий к конкретной системе в конкретных условиях и последовательность (волевая целеустремленность) их проведения в жизнь*. Эти два фактора, указанные на рис. 1 как экзогенные, нарушают примитивные количественные закономерности и вносят фундаментальную неопределенность в результаты управления.

Даже самое точное и правильное знание того, что нужно делать, само по себе не гарантирует сделанной работы. Для этого нужна изрядная доля упорства и терпения (т.е. воля), а также опыт и умение (т.е. искусство). Если в реальности имеет место дефицит воли и искусства, то даже идеальное описание системы и полное знание ее свойств не обеспечит эффективного управления. *Данные факторы лежат за пределами любого описания системы, за пределами науки как таковой*.

Хрестоматийной иллюстрацией рассмотренных двух факторов может служить пример О. Розенштока-Хюсси, согласно которому наличие в машине четырех свободных мест при большом желании людей не помещает посадить на них шесть-семь человек⁴. Тем самым простейшая и незыблемая арифметика нарушается и четыре становится равно шести или

¹ См.: Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. М.: Канон+, 1997. С.5.

² См.: там же. С.18.

³ См.: там же.

⁴ См.: Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 2008.

даже семи. Налицо опровержение научно выверенного описания под влиянием воли и умения. Между тем можно представить и прямо противоположную ситуацию, когда в данном примере при чрезмерной капризности пассажиров их число может уменьшиться до трех, а то и до двух.

Примечательно, что в менеджменте стадия реализации управленческих решений традиционно ценится очень высоко в отличие от науки вообще и *Economics* в частности. Доказательством тому служит лозунг А. Галицкого: «Идея не стоит ничего, миллионы приносит реализация»¹. Еще более явно управленческие приоритеты задаются афоризмом Ю. Митина: «Идея может быть на миллион, а ее реализация может принести миллиарды».

Надо сказать, что традиционная наука категорически избегает понятия воли и креативности. Более того, использование таких понятий в интеллектуальных построениях считается антинаучным. Это понятия философские и метафизические, имеющие основополагающее значение именно в философских и изотерических системах. Достаточно вспомнить главный труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», где весь мир и человек автором сознательно разделен на две части – рассудочную, разумную (представление) и волевую. В еще более акцентированном виде эти понятия фигурируют в антропологических концепциях К. Кастанеды, где точно так же человек и мир разделены на две части – тональ (логико-объяснительная, рассудочная) и нагваль (волевая и креативная). «Представление» А. Шопенгауэра и «тональ» К. Кастанеды связаны с современной наукой и рациональным описанием мира, тогда как «воля» и «нагваль» – со стадией реализации управленческих решений. Соединить эти две линии познания пока не удастся в рамках строго научного подхода.

Если мир тоналя может быть выражен не только с помощью дискурсивных выражений, но отчасти и с помощью количественных агрегатов, то мир нагваля не подчиняется никаким описаниям, включая самые простые языковые формы. Эту закономерность хорошо выразил Х. Инайат Хан: «...чем дальше мы развиваемся и продвигаемся во внутреннюю жизнь, тем меньше мы будем считать цифры, потому что цифры принадлежат внешнему миру. Физический мир более различим, и поэтому мы можем легко пользоваться цифрами, тогда как внутренние миры не так четки, и подсчитывать в них что-либо затруднительно»².

Отсутствие синтеза между *тоналем* и *нагвалем* приводит к постоянным противоречиям между теорией и практикой. Без этого синтеза *Eco-*

¹ См.: Генерация стартап-идей и методы их оценки (http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/letters/Startup_Ideas.pdf).

² См.: Хазрат Инайат Хан. Философия, психология, мистицизм. М.: Сфера, 2012. С.32.

nomics представляет собой груду неработающих теорий, а менеджмент – мешок бессмысленных кейсов (случаев, примеров). И то, и другое представляет собой довольно жалкое зрелище, хотя и выглядят они по-разному. Осознание данного факта является, пожалуй, первым шагом на пути построения нового социального знания.

Необходимость объяснений как ложный критерий научности. В настоящее время *Economics* в основном старается *объяснить* окружающий социальный мир и дать нам тем самым его более адекватное *понимание*. Все теоретические построения и описания способствуют соответствующим объяснениям и пониманию и в этом смысле являются оправданными и даже необходимыми. Однако этот вполне разумный взгляд на науку при более тщательном разборе оказывается не таким уж простым и самоочевидным.

Если немного переформулировать сказанное, то ситуация выглядит следующим образом. В обществе царит некая фундаментальная социальная *установка*, согласно которой любые научные объяснения обладают несомненной *самоценностью*, а потому эти объяснения нуждаются в поощрении и поддержке. Именно эта установка лежит в основе гигантского потока исследований и разработок в сфере *Economics*. При этом поддержка исследователей принимает не только *материально-финансовую*, но и *идеологическую* форму, что, в конечном счете, и обеспечивает устойчивость современной системы экономического знания. Одновременно с этим значение того факта, что *Economics* не может дать ничего полезного для управления, всячески принижается. Аргументация здесь используется довольно простая – ведь не всякое научное достижение должно иметь прямой и непосредственный экономический эффект; оно может иметь и опосредованное положительное влияние за счет более глубокого понимания изучаемого явления. В противном случае, считают апологеты *Economics*, наука может превратиться в набор прикладных разработок при отсутствии фундаментальных исследований и осмысления происходящих явлений.

На первый взгляд, такая точка зрения представляется вполне разумной и правильной. Однако это только на первый взгляд. На самом деле в жизни имеется огромное, если не подавляющее, число случаев, которые абсолютно не требуют объяснений. Особенно много таких случаев в сфере управления и бизнеса. Например, типичным случаем можно считать ситуацию, когда руководитель дает своему подчиненному задание, а в ответ получает исчерпывающий ответ о невозможности выполнения это-

го задания. Однако после пары таких объяснений подчиненный рискует потерять работу – и потом тоже будет бессмысленно кому-то объяснять, что он был прав, а начальник его не понял. Еще более рафинированной будет ситуация, когда сотрудник, получив задание, «завалил» его, но при этом идеально объяснил, почему ему не удалось его выполнить в означенные сроки. Реакция руководителя почти на 100% предсказуема. Как оказывается, во всех этих случаях объяснения не нужны; более того, они вредны.

Аналогичным образом обстоит ситуация при принятии решения о женитьбе или разводе, трудоустройстве или увольнении с работы, участии в проекте или отказе от него, покупке товара или отказе от него и т.п. Во всех этих случаях важно одно – конечный результат. Никакие объяснения никому не нужны. Будут у вас логичные теории для объяснения своего или чужого поведения или нет – не важно. Это все равно ничего не изменит. А потому и ценность таких объяснений, равно как и лежащих в их основе теорий, нулевая. Почему же тогда научным теориям и объяснениям в похожих обстоятельствах приписывается непропорционально высокая ценность?

Не будет ошибкой сказать, что для менеджмента объяснения всегда играли второстепенную роль. Главными лозунгами управления, политики и бизнеса были и остаются два сакраментальных слогана: «Победителя не судят» и «Пусть проигравший плачет». Бессмысленно обвинять победителя и оправдывать проигравшего – это, как правило, никому не интересно. Следовательно, и всем ретроспективным объяснениям грош цена.

Таким образом, мы сталкиваемся с принципиальным *рассогласованием установок* менеджмента и *Economics*. Если для *Economics* важны объяснения и понимание, то для менеджмента – конечный результат. И основная проблема здесь состоит в том, что эти две установки не находятся в логическом сопряжении – одно отнюдь не вытекает из другого, хотя в некоем гипотетическом идеальном случае именно так и должно быть. К сожалению, *похоже, что в настоящее время мир вошел в фазу развития, которая лишь способствует углублению рассогласования установок менеджмента и Economics*. Этому есть несколько причин.

Во-первых, сегодня наблюдается тотальный по охвату и колоссальный по размеру избыток информации вообще и знаний в частности. В такой обстановке большинство теорий и объяснений становятся также избыточными и ненужными; они рождаются в огромном количестве и умирают, не успев утвердиться на рынке знаний и не будучи востребованными рынком. Работать с новыми теориями и концепциями становится все труднее. *Нагрузка на потребителя* таких теорий возрастает неизмеримо.

Реакцией на эту ситуацию является рост прагматизма потребителя знаний и рост требований ко всем новым социальным и экономическим теориям.

Во-вторых, многие социальные явления предполагают *плюралистичные объяснения*, т.е. одно и то же явление можно объяснить многими способами. Экономисты с прискорбием констатируют, что **принцип единства теории уступил место принципу сосуществования конкурирующих концепций**¹. Почему же произошла такая аберрация знания? Забегая вперед, приведем высказывание В. Полтеровича, которое проливает свет на происходящее: «По-видимому, многообразие экономических явлений не может быть объяснено на основе небольшого числа фундаментальных закономерностей. Интуитивное понимание этого положения привело, как отмечалось выше, к замене принципа единства теории на принцип сосуществования конкурирующих концепций»².

В-третьих, все социальные системы стали настолько сложными, что их объяснительные модели и теории становятся, как правило, неэффективными. Применение этих теорий к реальности становится возможным только при массе оговорок и упрощающих предположений. А это делает их практически никчемными для нужд реального менеджмента.

Ниже мы остановимся на этом моменте подробнее, однако главный вывод из сказанного состоит в том, что в условиях обилия альтернативных и не слишком удачных теоретических описаний критерий необходимости объяснения социального мира утрачивает свою действенность и ценность. Отныне этот традиционный научный критерий становится *второстепенным*, уступая первое место критерию применимости теории: если теория не ведет к практическим результатам (в том числе в практике управления), то она не имеет права на существование.

Кризис системного подхода. С середины 50-х годов XX века большие надежды в отношении будущего прогресса науки были связаны с начавшим завоевывать популярность *системным подходом*. Не будет ошибкой утверждение, что данная методология ознаменовала собой своеобразную парадигмальную революцию. Смысл произошедшей смены парадигмы познания очень емко выразил О. Розеншток-Хюсси: вместо парадигмы выведения высшего из низшего (иначе – системы из элементов, целого из частей) стали пользоваться парадигмой выведения низшего из высшего (т.е. элементов из системы, частей из целого)³.

¹ См.: Полтерович В.М. Кризис экономической теории// «Экономическая наука современной России», № 1, 1998. С.52.

² Там же, С.63.

³ См.: Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. М.: Канон+, 1997. С.17.

Не стоит преуменьшать роль новой парадигмы, однако довольно скоро стало ясно, что системный подход не решает всех проблем. Более того, он порождает новые, ранее неизведанные проблемы. Главная среди них состоит в том, что *описание, основанное на системном подходе, становится неоднозначным в смысле множественности. Один и тот же процесс, как оказывается, можно описать разными способами. В основе этого эффекта лежит само понятие системы, которое относится к разряду слабоструктурированных и плохоопределяемых.* Так, Л. Петрушенко рассматривает целую цепочку понятий, близких понятию системы: образование, объединение, множество, объект и т.п. В конечном счете, он приходит к определению: «Система – это объединение, обладающее внешней и внутренней необходимостью по своему существованию и содержанию»¹. По его мнению, для любого объекта характерна известная целостность, полнота и законченность, однако для системы эти свойства играют особенно важную роль².

Социальные системы, которые находятся в поле зрения социальных наук, относятся к разряду кибернетических систем, т.е. «динамических систем, представляющих собой совокупность каналов и объектов связи и обладающих структурой, позволяющей им извлекать (воспринимать) информацию из своего взаимодействия со средой или другой системой и использовать эту информацию для самоуправления по принципу обратной связи»³. Несложно видеть, что это все очень общие определения, под которые подпадает почти все, что можно изучать.

Отталкиваясь от философского содержания системы, Л. Петрушенко еще в 1975 году предрекал, что в ближайшее время следует ожидать скорее множественности, чем уникальности (универсальности), системно-теоретических концепций⁴. Он утверждал, «что до появления единой теории систем будет существовать несколько теорий систем, различным, но взаимодополняющим образом описывающих объекты исследования; причем нельзя будет утверждать, что только одна из них истинна, а остальные ложны... Системный подход сам неоднозначен, ибо выступает различным образом на различных уровнях отвлечения от действительно-

¹ См.: Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М.: «Наука», 1971. С.35.

² См.: Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи (Некоторые философские и методологические проблемы управления). М.: «Мысль», 1967. С.28.

³ См.: Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи (Некоторые философские и методологические проблемы управления). М.: «Мысль», 1967. С.30.

⁴ См.: Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения (О влиянии философии на формирование понятий теории систем). М.: «Мысль», 1975. С.37.

сти»¹. Данное предсказание полностью сбылось – современный мир предполагает множественность описаний. И в основе этого феномена лежит главная доктрина системного подхода – абстрагироваться от одних (второстепенных) свойств системы и акцентировать внимание на других (главных) ее свойствах.

Системный подход позволяет осуществлять моделирование систем и их поведения. Под моделью в данном случае понимается *формализованное, структурированное и упрощенное* представление (описание) реального объекта, выраженное в символической форме². Но как уже указывалось в литературе, любая модель содержит некоторую *ошибку* в отношении воспроизводимого ею реального мира. Это связано с тем, что модель по определению является *упрощенным* образом реальности. Чтобы минимизировать эту ошибку, любая модель строится, исходя из ее *целевого характера*, т.е. она строится для конкретных целей и для решения вполне определенных задач. Изменение целей и задач ведет к изменению модели и, следовательно, к изменению описания системы. Помимо этого существует множество подходов к описанию системы (методов моделирования), применение которых дает разные модели и теории даже для одних и тех же задач. Тем самым в основе системного подхода лежит множественность моделей системы, а вместе с этим и *множественность погрешностей*, которые присущи всем моделям³. Выбрать же лучшую теорию (модель) из всех существующих – дело трудное, так как это предполагает процедуру сравнения погрешностей и выбора той, которая наиболее приемлема для заданных целей исследования. На практике сделать правильный выбор в этой области довольно проблематично.

Сверхсложные и сверхбыстрые системы. Как было показано выше, системный подход уже сам по себе порождает проблему множественности описаний. Однако ситуация усугубляется, когда мы имеем дело со сверхсложными и сверхбыстрыми системами. Рассмотрим возникающие в этой связи проблемы.

Оттолкнемся от определения Д. Дзоло, который под системой понимает социальную сущность, обладающую достаточной степенью организованности для того, чтобы стабилизировать себя в пределах среды; под «средой» он подразумевает структуру экзогенных условий стабильности

¹ См.: Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения (О влиянии философии на формирование понятий теории систем). М.: «Мысль», 1975. С.38.

² См.: Балацкий Е.В. Диалектика познания и новая парадигма экономической науки// «Мировая экономика и международные отношения», №7, 2006.

³ См.: там же.

или развития системы¹. Тем самым в данном определении неявно присутствует мысль, что система должна обладать хотя бы в какой-то степени свойством стабильности. А что происходит, если это свойство не наблюдается?

Наука традиционно изучала те или иные системы; социальные науки изучали социальные системы. Любая *система* имеет некие *свойства*. Если система является относительно простой и медленно меняющейся, то ее свойства, как правило, устойчивы. В этом случае наиболее важные функциональные свойства системы принимают форму *закона*. **Если мы имеем дело со сложными и быстро изменяющимися системами, то их свойства, во-первых, многочисленны, а во-вторых, меняются по мере изменения самих систем.** В этом случае говорить о каких-либо законах бессмысленно – их просто не существует. Существуют только сложные механизмы взаимодействия системных элементов, которые постоянно и довольно быстро эволюционируют.

Таким образом, на повестку дня выходит процесс *эволюции*, который автоматически отрицает внутрисистемные законы. Если законы всегда устанавливают связи между системными элементами, то наличие эволюции системы автоматически отрицает подобные законы, перенося центр тяжести на понимание *механизмов рекомбинации элементов* внутри системы с последующим изменением ее свойств.

На практике эволюционирующие системы относятся к разряду *сверхсложных и сверхбыстрых* систем. Почти все современные социальные системы подпадают под класс сверхсложных и сверхбыстрых систем. Между тем, как уже отмечалось, понятие сложности вносит необратимые коррективы в логику и методологию науки². Так, по Н. Талебу, сложной системой является система, между элементами которой существует сильная взаимозависимость – и *временная* (переменная зависит от своих прошлых трансформаций), и *горизонтальная* (переменные зависят друг от друга), и *диагональная* (переменная А зависит от прошлого переменной В, а также от ее ожиданий)³. Такого рода системы изменяют традиционные представления о соотношении причины и следствия.

¹ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С.37.

² См.: Балацкий Е.В. За пределами «экономического империализма»: преодоление сложности// «Общественные науки и современность», №4, 2012.

³ См.: Талеб Н.Н. О секретах устойчивости: Эссе; Прокрустово ложе: Философские и житейские афоризмы. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. С.100.

Понятие сложности приводит к пересмотру того, что такое знание. Ключевыми для понимания вектора изменений являются тезисы Н. Талеба: «Знание разностно, а не аддитивно: знание – это то, что мы вычитаем (проводя редукцию по принципу «что не работает», «чего не делать»), а не то, что мы добавляем («что делать»))»¹. «Считается, что ум – это способность замечать значимое (обнаруживать закономерности); но в сложно устроенном мире ум – в том, чтобы игнорировать незначимое (отвергать ложные закономерности)»².

Следуя данному представлению, Д. Дзоло считает, что в современном сверхсложном мире *даже такое фундаментальное понятие, как демократия утратило свое прежнее значение и требует существенной корректировки и переосмысления*. Пытаясь разобраться в этом вопросе, Д. Дзоло рассматривает три вида сложности: просто сложность, социальную сложность и эпистемологическую сложность. Под *сложностью* системы Д. Дзоло понимает ситуацию, когда имеют место четыре условия: большое число переменных системы, которые необходимо учитывать (это эквивалентно большому разнообразию опыта); высокая взаимозависимость переменных; способность переменных быстро и непредсказуемо меняться; высокая взаимозависимость между системой и познающим субъектом, между системой и окружающей средой³. *Социальная сложность* также предполагает четыре условия: функциональная дифференциация подсистем, что эквивалентно наличию в каждой подсистеме собственных ценностей, смыслов и кодов; высокая функциональная взаимозависимость подсистем, что равносильно росту негативных внешних факторов; рост социальной мобильности с характерными для нее моральным политеизмом, агностицизмом, условными и гибкими критериями взамен универсальных и неизменных принципов; рост «обезличенности» отношений и взаимозаменяемости индивидов⁴. *Эпистемологическая сложность* состоит в том, что индивиды не могут познать себя объективно из-за своей погруженности в ту или иную культуру (среду), но они не могут

¹ См.: Талеб Н.Н. О секретах устойчивости: Эссе; Прокрустово ложе: Философские и житейские афоризмы. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. С.207.

² См.: там же.

³ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С.30-32.

⁴ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С.34-36.

иметь объективные знания и о своей среде из-за проецирования на нее своих собственных пристрастий¹.

Подобные свойства систем радикально меняют простые познавательные концепции и доктрины. Они, в частности, приводят Д. Норта к идее *неэргодичности социума*. Напомним, что под эргодическими понимаются процессы, для которых средние величины прошлых и будущих периодов совпадают или различаются незначительно². Однако для десяти тысячелетий человеческой истории эргодическая гипотеза не выполняется. Экстраординарные изменения в экономике свидетельствуют о том, что мы создавали и создаем общества, являющиеся *уникальными* по сравнению со всем, что имело место в прошлом. Изменения, осуществляемые нами сегодня, создают новую и во многом неожиданную среду завтра – и у нас нет исторического опыта, который подготовил бы нас к встрече с ней³. На этом основании можно сделать вывод: коль скоро мы постоянно заняты созданием нового, *небывалого прежде* мира, то для его описания теория, созданная на основе прошлого опыта, не годится.

Последний тезис лежит и в основе концепции Н. Талеба, согласно которой в социуме периодически возникают уникальные события – своего рода «черные лебеди», предсказать которые принципиально невозможно⁴. Аналогичный эффект возникает и в «шнурочной» концепции истории Дж. Сороса, которая является следствием теории рефлексивности⁵.

Наряду с невозможностью получения знания о будущем на основе знания прошлого понятие социальной сложности предполагает факт *принципиальной несопоставимости различных опытов*. Это означает, что значение события, произошедшего в одной социальной среде, нельзя передать в понятиях, релевантных для опыта иной среды⁶. В каком-то смысле социум оказывается несопоставим как во времени, так и в пространстве.

Рассмотренные свойства сверхсложных и сверхбыстрых систем приводят к еще одному чрезвычайно важному эффекту, который был точно

¹ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С.38.

² См.: Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С.36.

³ См.: Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С.37.

⁴ См.: Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009.

⁵ См.: Сорос Дж. Алхимия финансов. М.: Инфра-М. 1996.

⁶ См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С.34.

сформулирован В. Полтеровичем: «Экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость ее изменения опережает темп ее изучения»¹. Это еще один *когнитивный барьер*, который стоит на пути применения современной теории. Модели и теории, на создание которых уходят годы, бессмысленны, если социальная система принципиально изменяется в течение месяцев и даже недель. Реакцией на такое положение дел явилось введение П. Вирилио (P.Virilio) специального термина – *дромократия*, т.е. господство скорости в передаче объектов и символов. Такое развитие событий не остается без последствий. Например, Д. Дзоло полагает, что ускорение темпа жизни, вызванное новыми технологиями, является причиной усиливающейся *сенсорной недостаточности* у людей². По аналогии с этим утверждением можно говорить о своеобразной сенсорной недостаточности не только *Economics*, но и всех социальных наук, которые не успевают вовремя реагировать на происходящие в обществе изменения.

В настоящее время эволюционный аспект системного анализа вышел на первый план. Стало очевидно, что в социальных системах со временем происходит такая масштабная рекомбинация элементов и их связей, что пытаться установить жесткие соотношения между ними совершенно бессмысленно. В частности, в исторической ретроспективе колоссально изменилась роль рисков. Так, согласно Д. Норту, *мир развивается путем перекалывания рисков из физического мира в мир социальный*. Накапливаемые человечеством знания ведут к появлению новых технологий и росту власти над физическим миром, снижая тем самым неопределенность физической среды. Однако такие сдвиги ведут к формированию новых институтов и усложнению социальной среды, которые становятся источником совершенно новой, социальной неопределенности³. Понятно, что при таких сдвигах в структуре рисков принципиально меняется система управления – на всех уровнях.

Сегодня уже отмечено похожее явление в отношении человеческой свободы. Например, Дж. Камфнер вскрыл парадокс, в соответствии с которым *все большее число людей готово отказаться от общественных*

¹ См.: Полтерович В.М. Кризис экономической теории// «Экономическая наука современной России», № 1, 1998. С.62.

² См.: Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С.50.

³ См.: Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С.38.

свобод в обмен на свободы индивидуальные. Иными словами, если люди имеют возможность путешествовать, достойно зарабатывать, отправлять детей в любую школу, получать медицинские услуги, наслаждаться своей частной жизнью и пр., то они предпочитают не вмешиваться в общественное пространство и отказываться от свободы быть вовлеченными в политическую активность, отстаивать свободу слова, открытых политических дебатов и т.п.¹. Тем самым по мере укоренения потребительской философии происходит перелив общественной свободы в свободу индивидуальную или, что то же самое, индивидуальные ограничения вытесняются в сферу общественных ограничений. В таких условиях трансформируется вся государственная политика, а вместе с ней – вся система управления.

Дополнительный эволюционный сдвиг в социальных системах порождается переходом к информационной стадии развития. Здесь достаточно указать на разделение ресурсов на *финитные*, которые могут использоваться только одним лицом, и *инфинитные*, которыми могут пользоваться многие лица одновременно. К разряду финитных ресурсов относятся земля, производственное оборудование, к разряду инфинитных – знания, информация². Наличие подобного ресурса полностью меняет свойство экономической системы, генерируя новые инструменты и механизмы управления. Более того, информационная природа явлений лежит в основе понятия *масштабируемости*, под которой понимается способность некоего экономического результата невероятно усиливаться (масштабироваться) без эквивалентных затрат³. Типичным примером такого явления может служить распространение компакт-дисков с записями пианиста. Эффект масштабирования проявляется в том, что пианист играет один раз, его записывают, а потом аудитория его слушателей может расширяться сколь угодно без дополнительных усилий со стороны пианиста. Главное же состоит в том, что все социальные явления делятся на *немасштабируемые* и *масштабируемые*, причем с течением времени доля вторых возрастает. Эти явления подчиняются разным законам и правилам, что вносит дополнительную неопределенность в понимание со-

¹ См.: Ростова Н. «Консюмеризм – анестетик для мозга». Почему в России не намного лучше, чем в Америке (http://slon.ru/books/john_kampfner-842628.xhtml).

² См.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ МОСКВА, 2009. С.86.

³ См.: Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009.

циума, особенно если учесть, что немасштабируемые явления постепенно превращаются в масштабируемые.

Яркой иллюстрацией невозможности переноса свойств системы в один период на эту же систему в другой период может служить теория старых рынков применительно к научной деятельности¹. Так, для молодых и старых рынков уровни прибыльности, конкуренции и волатильности принципиально различаются. Соответственно различаются эти рынки и качественными признаками, что позволяет их рассматривать как разные социальные системы.

Таким образом, с течением времени мы наблюдаем принципиальную перестройку социальной системы, а это означает, что каждый раз мы познаем *разную* систему. А коль скоро это так, то переносить свойства одной системы на другую систему просто бессмысленно. На основе подобных экстраполяций будут генерироваться заведомые управленческие ошибки.

Социальные науки как промежуточный институт. Надо признать, что человечество до сих пор пребывает в иллюзии по поводу истинной ценности социальных наук. Традиционно считалось, что любая наука обладает самоценностью, т.е. как бы является конечной точкой интеллектуального пути. На самом деле это представление является глубоко ошибочным. Гораздо правильнее исходить из того, что социальные науки представляют собой промежуточный пункт когнитивной динамики. Для разъяснения данной позиции целесообразно обратиться к теории институциональных траекторий².

Относительно недавно В. Полтеровичем была высказана идея о необходимости целенаправленного построения *институциональных траекторий*, представляющих собой описание совокупности институтов во времени. Речь идет о том, что реформатор ставит задачу построения *финального* (искомого) института и для ее решения выбирает определенную институциональную траекторию, т.е. последовательность *промежуточных институтов*, ведущую к намеченной цели. Промежуточные (вспомогательные) институты «соединяют» действующие институты с наиболее передовыми, финальными³. По мере приближения к финальному инсти-

¹ См.: Балацкий Е.В. Кризис социальных наук в свете концепции старых рынков// «Социологический журнал», №2, 2010.

² См.: Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Издательство «Экономика», 2007.

³ См.: Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Издательство «Экономика», 2007. С.424.

туту промежуточные институты подлежат демонтажу и расформированию как утратившие свое значение. Однако без них построить высокоэффективный институт в неподходящей среде практически невозможно.

Каждая наука также представляет собой институт, который помимо всего прочего имеет функциональное назначение. Сегодня можно говорить, что социальная система представляет собой совокупность двух подсистем – производственных технологий и институтов. Иногда говорят о производственных и социальных технологиях, подразумевая наличие производственной подсистемы и управленческой надстройки. В связи с этим точные и естественные науки являются промежуточными институтами по отношению к технологиям, а социальные и гуманитарные науки – по отношению к управлению. Если, например, физика и математика не будут генерировать новые технологические решения, то вряд ли их существование в современном мире можно будет оправдать. Надо сказать, что естественные науки пока вполне успешно отработывали и отработывают свое предназначение. Аналогичным образом обстоит ситуация и с социальными науками. Если, например, *Economics* и социология не будут поставлять новые управленческие решения, то их наличие станет просто не нужным. И здесь у *Economics* возникает все больше проблем – он не может напрямую генерировать управленческие решения.

Таким образом, технологии и управление, будучи финальными системными феноменами, выступают еще и в качестве критерия истинности и ценности промежуточных институтов. Физика, химия, математика и пр. должны приводить к созданию новых технологий, а *Economics*, социология, история, право – к созданию новых управленческих механизмов. Если же когнитивная динамика прерывается на уровне промежуточных институтов, т.е. в науке, то и само существование этих институтов ставится под сомнение. Рассмотренный ранее феномен КРОУ как раз и знаменует рассогласование между таким промежуточным институтом, как *Economics*, и таким финальным институтом, как управление.

Разумеется, изложенная позиция является предельно прагматичной. Однако это не меняет сути рассматриваемой проблемы – никакая наука, в том числе *Economics*, не может существовать сама для себя и ради себя. Выход из возникшего кризиса может осуществляться тремя возможными способами: за счет перестройки самого *Economics* и повышения его отдачи в смысле поставки эффективных управленческих решений; за счет замены *Economics* каким-то другим промежуточным институтом, который

будет более эффективен в прикладном плане; за счет отказа от промежуточного института вообще в силу возможности существования финального феномена (системы управления) самого по себе.

Исторически первый способ (реорганизация *Economics*) уже неоднократно был апробирован. Например, теория К. Маркса в 1860-х годах была доведена до практических предложений как на уровне идеологии (изменение строя), так и на уровне конкретных управленческих механизмов (ликвидация частной собственности на средства производства и т.п.). Впоследствии нечто подобное имело место в 1930-х годах с теорией Дж.М. Кейнса, которая также привела к новой идеологии (государственное вмешательство в экономику) и новым управленческим решениям (стимулирование активности за счет бюджетных расходов). Менее масштабные встряски повторялись в течение XX века много раз.

Второй способ (замещение *Economics*) также был испробован. Классическим примером тому может служить возникновение в 1940-х годах кибернетики, которая распалась на отдельные направления – экономическую кибернетику, медицинскую, техническую, лингвистическую и пр. По задумке Н. Винера, кибернетика должна была стать наукой об управлении и связи в животном, машине и обществе. Еще более прагматичная трактовка кибернетики была предложена в 1950-х годах Л. Куффиньялем как «искусство обеспечения эффективности действия»¹. Впоследствии кибернетика не смогла сохраниться в качестве самостоятельного научного направления, однако кибернетический подход стал характерен для всех без исключения наук. Сегодня имеются попытки создания так называемой новой кибернетики, хотя этот вопрос остается предметом дискуссий². В любом случае сама попытка создания науки об управлении вместо традиционных социальных наук является симптоматичной.

Третий способ (отказ от *Economics*) пока фактически не опробован. Его реализация фактически означает управление без теории и каких-либо громоздких аналитических построений. Возможно ли это в принципе? Этот вопрос является предметом футурологических дискуссий.

Укороченный экспериментально-когнитивный цикл. Идея о слиянии науки и управления в едином когнитивном движении уже выска-

¹ См.: Кибернетика/ Сайт Википедии – свободной энциклопедии (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%E8%E1%E5%F0%ED%E5%F2%E8%EA%E0>).

² См.: там же.

зывалась¹. Речь идет о том, что не будет отдельно *Economics* (теории) и управления (практики); будет некий синтез на основе взаимной прагматики. Каким видится этот синтез?

Невозможность получения фундаментальной теории, описывающей поведение социальной системы, означает способность управленца обходиться без таковой. Постоянные изменения управляемой системы приводят к доминированию *оперативных* когнитивных операций. Это означает, что обратная связь в системе на рис.1 будет по-прежнему существовать, но это уже будет не большой когнитивный цикл, включающий описание системы, а укороченный цикл, представляющий собой простейшую реакцию управленца на действия системы (на рис.1 он показан пунктирной линией). При этом возникающая нехватка информации будет устраняться не посредством обращения к теории и модели системы, а путем *экспериментирования* с самой системой и *прямым замером* ее реакции. Разумеется, какой-то когнитивный механизм принятия решений будет существовать, но его простота не будет создавать серьезных проблем в его овладении и применении. Кроме того, этот механизм будет таким же «живым» и изменчивым, как и сама регулируемая система. В этом смысле можно говорить об упрощенном *экспериментально-когнитивном механизме управления*.

На что похож такой тип управления? Есть ли у него какие-то аналогии?

На наш взгляд, рассмотренный тип управления имеет прямую аналогию в поединке боксеров. Скорость действий обоих соперников чрезвычайно высока и каждый из них должен осуществлять две взаимосвязанные задачи: познать противника и победить его. Эти две задачи боксером решаются одновременно. Познание происходит путем постоянных попыток взломать защиту соперника с помощью серии атак; победная атака всегда основана на выяснении слабых мест противника и их использовании при нападении. Таким образом, управление (атака) позволяет получить знание о системе (сопернике), а полученное знание позволяет повысить эффективность очередного акта управления (атаки) и достичь поставленной цели (победы).

Спрессованность во времени управления и познания в боксерском поединке, а также их сложное переплетение и чередование делают этот пример плохо похожим на традиционный процесс менеджмента, включающий изрядную порцию аналитических операций. Между тем именно

¹ См.: Балацкий Е.В. Кризис социальных наук в свете концепции старых рынков// «Социологический журнал», №2, 2010.

боксерский поединок является идеальной моделью сверхбыстрой системы, в которой осуществляется сверхбыстрое познание и управление.

Так же как в боксе главными составляющими успеха являются скорость, адаптивность, разнообразие и воля спортсмена, так и в управлении, построенном на упрощенном экспериментально-когнитивном механизме, решающую роль будут играть те же самые факторы.

Резюмируя сказанное, можно отметить следующую закономерность: нарастающему тренду *глобализации* во времени и пространстве всех социальных систем и их описаний противостоит тренд *локализации* управления во времени и пространстве. Эффективно управлять можно только конкретной системой на основе знаний, полученных в данный момент времени; управленческие обобщения не имеют смысла.

* * *

Феномен КРОУ несет в себе огромный заряд агностицизма, подрывающий возможности традиционных социальных наук. Может сложиться впечатление, что речь идет о конце науки. Однако, по-видимому, речь идет об очередном витке диалектического отрицания старых форм познания и управления. Как в древних цивилизациях управление в обществе происходило без высокой теории *Economics*, так и в будущем эффективное управление будет обходиться без неповоротливой и громоздкой теории. Не исключено, что этот процесс будет сопровождаться изменением самой ментальности управленца за счет возрастания его интуиции.
